

именует „человеком на рати вельми храбрым“ (тут же описывая его скандальное поведение). Неудачная попытка захватить татар врасплох описывается так: „Некто уноша именем Айдар, постелник великого князя, наполнился духа ратна, и не отпустя их (татар) нимало от судиа и кликну на них, они же устрашишася и вметашася в суды и побегоша на Волгу; в той же день содеяся спасение велико татаром, здоровьем Григорьева сына Карповичя Айдаровым“. „Наполнился духа ратна“ звучит почти как пародия — пародия едва ли не на „Слово о полку Игореве“, где Игорь тоже „напльнився ратного духа“. Стоит заметить, что из свода, связанного с Басенком, этот иронический прием проник и в летописание конца XV века. Под 1496 годом мы читаем в нескольких летописях такой рассказ о нападении шведов на Иван-город: „Воевода и наместник иванегородский, именем князь Юрий Бабичь, наполнился духа ратна и храбра, нимало супротивися супостатом, ни граждан окрепив, но вскоре устрашився и побеже из града“.¹ Аналогичные насмешки над военными неудачами можно найти и в публицистике XVI века, например в посланиях Грозного Курбскому (военные неудачи бояр) и Грязному.

Отмеченные нами оппозиционные летописные своды доходили до 70—80-х годов XV века; начиная с 90-х годов великокняжеское летописание все более теснит летописание, восходящее к иным источникам. В XVI веке борьба общественной мысли получает выражение главным образом в отдельных публицистических памятниках; публицистическая струя в летописании слабеет. Это не значит, однако, что элементы публицистики совсем исчезают из летописания. И в XVI веке летопись участвует в борьбе общественной мысли, и в XVI веке официальным летописцам было с кем полемизировать. Говоря о летописях как о своеобразном литературном жанре, Д. С. Лихачев сравнил однажды (пользуясь художественным образом, взятым из самой летописи) летописное изложение с „течением большой русской реки“: „в этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки... слившиеся здесь в единое и величественное целое“.² Но своеобразие этой „большой русской реки“ заключается не только в том, что она способна принимать в себя многочисленные „притоки“, но и в том, что от нее постоянно ответвляются различные „рукава“, текущие иногда совсем в ином направлении, чем главный поток. Мы уже наблюдали эти явления на примере свода 1500 года. Свод этот, официально-великокняжеский по своему характеру, породил летопись архиепископа Геннадия, стоявшего в прямой оппозиции к политике Ивана III, и неизвестную по характеру, но явно неофициальную летопись, отразившуюся в дополнительном тексте Типографской летописи. То же явление мы встретим и в XVI веке: официальное летописание будет постоянно порождать неофициальные своды, иногда оппозиционно-боярские по своему направлению (например Воскресенская летопись 1542 года), с которым в свою очередь официальное летописание будет вести идеологическую борьбу.

Элементы публицистики были всегда присущи летописанию; они сохранились в нем до того времени, пока летописание как жанр не перестало существовать.

¹ ПСРЛ, VI, стр. 42; VIII, стр. 233. Ввиду прекращения текста Симеоновской летописи до 1496 года мы не можем точно сказать, читалось ли это известие в официальном своде 1500 года или оно проникло в летописание позже.

² Повесть временных лет, ч. II, стр. 5.